

УДК 811.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-4-25-34

РУССКИЕ ЧАСТИЦЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ОТРАЖЕНИЯ КОММУНИКАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В РЕЧЕВОЙ СФЕРЕ

Нагорный И.А.*Цзилинский университет**130012, Чанчунь, ул. Куанвэй, д. 10, Китайская народная республика*

Аннотация. В статье представлено описание русских частиц как инструментариев отражения коммуникационных процессов в речевой сфере. Установлено, что частицы являются не только репрезентаторами комплекса квалификативно-модусных смыслов, но и рефлексорами процессов интенсифицирования, семантического сжатия, смыслового наложения, модельного упрощения, парцелирования. Предпринята попытка доказать, что частицы, являясь служебными знаками языка с многослойной семантикой, являются в смысловом аспекте насыщенными речевыми элементами, активно «работающими» в процессе коммуникации.

Ключевые слова: русские частицы, коммуникационный процесс, речевая сфера, говорящий, адресат, прагматика, функции.

RUSSIAN PARTICLES AS A TOOL FOR REFLECTION OF COMMUNICATION PROCESSES IN THE SPEECH SPHERE

I. Nagornyy*Jilin University**10 Qianwei Road, Changchun 130012, People's Republic of China*

Abstract. The article presents the description of the Russian particles as a tool of reflection for communication processes in the speech sphere. It is established that the particles are not only representatives of the complex of qualifying-modal meanings, but also reflectors of the processes of intensification, semantic compression, semantic complexity, constructive simplification, model parsing. It is proved that the Russian particles as auxiliary elements of the language with multi-layer semantics are productive and pragmatically oriented communicative signs that facilitate and optimize the process of speech interaction of subjects.

Key words: Russian particles, communication process, speech sphere, speaker, addressee, pragmatics, functions.

Постановка проблемы

Исследование коммуникативного аспекта частиц, активно проявляющего себя в зоне речевых процессов, помогает разработать вопрос о специфике прагматической рефлексии при помощи модусных элементов языка разносферных областей коммуникационного процесса. В этом плане значимым представляется

© СС ВУ Нагорный И.А., 2018.

то, что частицы как языковые компоненты с интенсифицированной семантикой – семантикой сжатой, но имеющей потенцию к перспективному расширению в речевой сфере, – являются востребованными речевыми знаками, оптимизаторами процесса коммуникационного взаимодействия субъектов [3], в результате чего повышается и собственно коммуникативный статус самих частиц как знаков, векторно ориентированных на собеседника, выразителей мнения говорящего [5].

Продуктивность речевого функционирования частиц соотнесена также с параметром открытости самой коммуникационной области как зоны речевого контакта коммуникантов [9–11]. Реализация частиц в данной области, рефлексия ими целого комплекса прагматизированных параметров лежит в основе специфики антропоцентрического функционирования указанных структурно-служебных средств в речевом коммуникативном пространстве. Собственно же прагматический аспект в общем смысловом поле частиц является модусной базой для реализации указанными компонентами в коммуникационном процессе наиболее важной функции – речевого воздействия на собеседника при помощи генерации каскада модусных смыслов, ярко презентующих позицию самого говорящего применительно к оцениваемому событию.

Цель и задачи работы

В функционально-прагматическом аспекте русские частицы являются не только генераторами и репрезентаторами комплекса квалификативно-мо-

дусных смыслов, но и важным языково-речевым инструментом отражения коммуникационных процессов в сфере человеческого общения. Описание функциональных характеристик русских частиц как рефлекторов вышеуказанных процессов, таким образом, есть цель данной статьи.

Разработка проблемы в лингвистике

Собственно грамматический аспект исследования частиц как обслуживающих средств представлен в лингвистических трудах В.В. Виноградова [2], Н.Ю. Шведовой [8], А.Н. Васильевой [1], Т.М. Николаевой [6] и др. Смысловой аспект разработки частиц отражён в работах Е.А. Стародумовой [7]. Тем не менее, прагматически детализированное функциональное описание русских частиц в языкознании не осуществлялось. В современной лингвистической науке также отражены лишь на фрагментарном уровне знаковый и когнитивный подходы к детализации данной проблемы.

Основная часть

Ментальные операции субъекта, направленные на модусную квалификацию события, реализуются в речевой сфере при помощи различных языковых и интонационных средств. В числе данных средств фиксируются и русские частицы, являющиеся продуктивным коммуникативным инструментом репрезентации точки зрения говорящего [4] и донесения данной точки зрения до адресата.

Важное прагматическое качество рассматриваемых элементов состоит в том, что они должны быть определены как языково-речевые средства, при

помощи которых генерируются некие важные для речевой сферы процессы, воздействующие на область усиления прагматического фактора речевой зоны. В основе этого явления находится динамический фактор, который и определяет наполнение смысловой составляющей русских частиц в речевом аспекте.

Генерируемые частицами коммуникационные процессы достаточно разнообразны. Однако ведущими, по нашим наблюдениям, являются:

- интенсифицирование модусно-оценочных смыслов на уровне коммуникационной сферы;
- семантическое сжатие, лежащее в основе компрессии коммуникационно значимой, по мнению автора, информации, а также развёртывания данной информации говорящим в типичной ситуации речевого общения с целью достижения прагматически мотивированной интенции;
- смысловое наслаение, в перспективе увеличивающее исходный понятийный объём языкового знака в коммуникационной сфере;
- модельное упрощение, отражающее структурное компрессирование предложения и приобретение последним статуса модусно-ответного;
- парцелляция, основанная на субъективно мотивированном разбиении предложения с частицей на комплекс конструктивно укороченных отрезков;
- десемантизация, определяющая нивелирование исходной семантики русской частицы.

Данные коммуникационные процессы, генерируемые в предложениях

частицами, находят своё оригинальное отражение в модусно-оценочных ситуациях речевого общения. Рассмотрим данные процессы более детально.

Процесс интенсифицирования характеризуется следующими коммуникативными свойствами. В первую очередь, интенсифицирование рефлектирует область усиления коммуникационного статуса частиц фактически всех семантических групп в сфере речевой коммуникации. Указанный процесс ярко проявляет себя в аспектах:

а) либо усиленного подтверждения говорящим произносимого с целью усиления прагматически-мотивированного воздействия на собеседника:

*«Это **только** цветочки, ягодки будут впереди»* (Поговорка);

*«Ну, выбирайте, куда пойдём **прямо** сейчас, – сказал он»* (Ф. Иванов);

б) либо, напротив, снижения степени категоричности высказывания для некатегоричного воздействия на собеседника:

*«Ехать сейчас можно **только лишь** в один город»* (газетный текст);

*«Ваши документы почти уже готовы, осталось **лишь** принести их»* (журнальный текст).

Рассматриваемый процесс является ярким показателем соотнесённости конкретной коммуникационной реакции как говорящего, так и адресата на окружающие события, факты, явления, обусловленные, как правило, комплексом событийных факторов:

*«Можно **уже** перестать ждать, ничего не произойдёт»* (журнальный текст);

*«Хорошо, что сделано **ещё** одно очень важное дело»* (А. Иванов);

«А без этой проработки и перспективы видятся **лишь** частично» (газетный текст);

«**Просто** я думал, что ему не понравится эта затея» (В. Шукшин).

Интенсифицирование качественной модусной зоны, генераторами которой в коммуникационной сфере выступают русские частицы, является базой для проекции на собеседника актуализируемых говорящим смыслов усиленной достоверности, категоризации, речевого напора, экспрессивизации, предположения и т. п.:

«Отвечает... твёрдым голосом: – **Где уж тебе!**» (М. Салтыков-Щедрин);

«**Разве** это к вам и вашим делам не относится?» (В. Быков);

«**Что за праздник!**» (В. Шишков);

«Меня же больше всего в тот момент заинтересовала **именно вода**» (О. Баринов);

«**Вот так** ситуация... Никто и не думал, что всё может так развернуться» (журнальный текст).

С процессом интенсифицирования связан **процесс семантического сжатия**. Действие данного процесса позволяет частице приобретать статус коммуникационного знака передачи объёмных, но свёрнутых смыслов, используемых для компрессированного донесения до собеседника оценочной характеристики описываемой ситуации:

«Ну, вот вот и всё... – **Да где уж!** Ещё ничего не потеряно» (журнальный текст);

«Я в суд подам... – **Ишь ты!**...» (Р. Сенчин);

«Да не знаю я ничего об этом. – **Вот как? И правда?**» (Д. Донцова);

«**Уж будто**. – проговорил проводник, с опаской оглядываясь в сторону опушки» (журнальный текст).

Частицы в этом случае продуктивно образуют нечленимые предложения как компрессированные речевые аналоги членимых предложений:

«К нему утром уже приходили? – **Вряд ли**» (Д. Донцова);

«Человек раздумывал. – **Да едва ли...**» (А. Иванов);

«Вот это-то и не произойдёт со мной. – **Уж будто!**» (Т. Устинова);

«Ещё раз попробуй. Ведь можетлучиться, наконец. – **Да нет, вряд ли**» (К. Симонов).

Для подобных нечленимых предложений, в составе которых находятся лишь частицы, типична компрессия смысловых зон. Последнее приобретает весьма важное значение для свободного функционирования данных предложений не только в устной, но и в письменной сферах коммуникации. В этом аспекте особый вес приобретает генерирование частицами параметра кодирования-раскодирования презентуемой информации на уровне когнитивных ментальных структур.

Процесс смыслового наслоения предопределяет увеличение семантического объёма частицы в сфере коммуникационного диалога с целью восполнения различного рода речевых лакун, в частности пресуппозитивных:

«И что же, вы там работаете? – **Куда уж**» (Д. Донцова);

«Да вот так я и думаю, простите. – **Уж будто?**» (журнальный текст);

«И он больше не отступит от сказанного? – **Да, где уж!**» (В. Головачев);

«**Вот так вот!**... – произнёс Николаич, протягивая широкую ладонь» (журнальный текст);

«Да, это действительно так. – **Ишь ты!**» (Д. Донцова).

Итогом действия процесса смыслового наслоения является усиление прагматического статуса собственно частицы в коммуникационной сфере. Кроме того, частицы, являясь прагматически значимым инструментарием прагматического воздействия, выступают, таким образом, актуализаторами комплекса модусно-кваликативных смыслов, обращённых, в первую очередь, к адресату:

«**Ужели** утолять я рада... Все жажды тщетные души!» (К. Павлова) (смыслы недоумения и сожаления);

«**Авось** получится со временем, но пока нет результата» (газетный текст) (смыслы желательности и ожидания);

«Ну что, сделал намеченное? – Да **вроде как**» (С. Снегов) (смыслы раздумья, радости и надежды);

«Это **навряд ли**, – тихо и устало проговорил кто-то на том берегу» (П. Дроздов) (смыслы глубокого сомнения и уныния);

«Да, так мне кажется. **Чай**, из окна славно смотреть» (А. Иванов) (смыслы предположения и возможности);

«Ей думалось о том, что лучше не станет, но **авось** да всё образумится» (журнальный текст) (смыслы кажимости и предположения);

«Но именно это и послужило ему **якобы** поводом для принятия решения» (А. Казанцев) (смыслы эвиденциальности и предположения);

«Он был **едва ли не** единственным из нас, кто добился в жизни всего, чего хотел» (газетный текст) (смыслы избыточности и усиленной категоричности);

«**Вот я авось тебе задам!**» (журнальный текст) (смыслы намерения, возможности и предположения);

«**И куда уж нам до вас дотянуться!**» (Д. Донцова) (смыслы сарказма и отрицательной оценки);

«**Вот так, вот так!** Давай её сюда, подставляй сбоку» (А. Иванов) (смыслы наставления, утвердительной констатации и подтверждения).

Модусно-оценочные смыслы, генерируемые частицами могут, таким образом, пересекаться, накладываясь один на другой, совмещаться в смысловом поле одного речевого высказывания. Последнее обусловлено как прагматическими, так и пресуппозитивными факторами речевой сферы.

Процесс модельного упрощения лежит в основе структурного упрощения конструкции, реализуемой в речевой сфере, и параллельного увеличения семантической ёмкости самой частицы в ответных высказываниях:

«Надеюсь, всё прошло благополучно? – **Ещё бы!**»;

«И потом, думаешь, ничего не случится? – **Вряд ли!**»;

«Геймишься сегодня? – **Конечно!**»

Данные процесс реализуется на базе стандартной для коммуникационного пространства тенденции к значимому сокращению структурного объёма конструкции. Типичными функциональными свойствами частицы как структурообразующего и смыслообразующего элемента ответного предложения является, во-первых, увеличение прагматического статуса русской частицы на пропозитивно-модусном уровне языково-речевой структуры, поскольку частица является актуализатором целого комплекса речевых квалификационных смыслов – смыс-

лов оценочных, эмотивных, модальных, экспрессивных, но обязательно ориентированных на адресата:

«**Что за** дела! И как это понимать?» (газетный текст);

«И где уж там!.. Уверен, что не сделают!» (журнальный текст);

«Куда уж нам дотянуться до идеала!» (Ю. Семенов);

«Будто не знали!.. Ещё как знали!» (Ю. Семенов).

Во-вторых, частицы способны выполнять нетипичную для служебного слова типологическую функцию образования нечленяемого предложения: «Уж будто! К нам это не относится» (С. Кудряшов); «Ты с ним? – Едва ли!» (В. Шукшин). Для подобных эквивалентов предложений типично сжатие информационных полей, что является одной из причин продуктивного функционирования слов-предложений в разговорной речи.

В-третьих, укажем на специфику функционирования русских частиц как реализаторов модельно-конструктивной функции в предложении. Например, частица способна выступать в предложении в качестве репрезентатора логического предиката: «И всё-таки: лететь или не лететь? – Да где уж!» (журнальный текст).

Процесс парцелляции положен в основу обусловленного расчленения конструкции, в составе которой фиксируется частица, на конструктивно короткие, но коммуникативно полноценные сегменты, выполняющие коммуникативную функцию речевого сообщения. В данном случае частицы функционируют в качестве знаков развёртывания оценочной речевой ситуации в диалоге. Основными признаками частицы в парцеллированной

конструкции являются: увеличение семантического ранга собственно частицы, а также повышение её коммуникативного статуса как авторского инструмента генерации субъективно-авторских смыслов, ориентированных на собеседника:

«Результат-то хоть получили? Или все в поисках? – Да где уж там!» (журнальный текст).

«А что за мысли такие унылые!» (журнальный текст);

Отметим также, что процесс парцелляции, как правило, сопутствует коммуникативной репрезентации оценочных смыслов раздражения, досады, радости, удивления, раздумья, иронии/сарказма и под.

Процесс десемантизации определяет специфику функционирования разноуровневых семантически опущённых элементов языка, например, частицы *как бы*. В результате реализации указанного процесса у данной частицы нивелируется исходная модальная семантика и проявляются функциональные параметры скрепа:

«А я ведь как бы знаю, что происходит» (журнальный текст);

«Проблема как бы решилась, поэтому всё в порядке» (газетный текст).

В коммуникативно-прагматическом аспекте десемантизированная модальная частица *как бы* – это языковой элемент, подвергшийся сильным семантическим трансформациям. В этом плане *как бы* характеризуется утерей модально-предположительного значения и трансформацией своего базового лексико-грамматического потенциала, что и служит причиной появления у языкового элемента новых коммуникативно-функциональных характеристик. Результатом является

то, что *d* настоящее время в русской языково-речевой сфере наличествуют фактически два омонимичных элемента – «полноценная» модальная частица как *бы*, участвующая в формировании субъективно-модального аспекта, предложения и её семантически опустошённый звуковой эквивалент с нивелированным модальным и приобретённым связочным значением скрепа:

«Я тут накануне как бы вижу, что она потеплела ко мне» (разговорная речь);

«Да в твоём смартфоне как бы шесть гигов оперативки, а ты говоришь о тормозах. Ищи вирус» (Интернет).

С процессом десемантизации тесно связаны и другие коммуникативные функции частицы *как бы*:

1) функция снижения категоричности сообщаемого, при выполнении которой семантически трансформированная частица применяется говорящим для донесения до адресата модусного смысла некатегоричности в оценке события (*«Ты как бы не сильно утруждай себя, всё уже решено»* (Интернет); *«Я как бы не считаю, что оно того стоит»* (Интернет); *«Я как бы должен тебе сказать об этом»* (Интернет));

2) функция реализации десемантизированной частицы в сфере диалогической речи, заключающаяся в том, что указанный языковой элемент проявляет свою трансформированную семантику в коммуникативно-событийной ситуации, к которой автор сообщения либо имел непосредственное отношение, либо имеет косвенное представление о данном событии;

3) функция речевого скрепа, типичная для десемантизированных

элементов в сфере активного речевого диалога. Указанная функция характеризует частицу как полностью десемантизированную, семантически опустошённую. В этом случае при помощи частицы автор высказывания делает попытку нивелировать речевые паузы, лакуны при актуализации мыслительных операций (опасение, неуверенность, раздумье, догадка, ожидание и др.).

В целом разработка проблемы коммуникативно-прагматического потенциала русских частиц доказывает, что описанные коммуникационные процессы являются важными и прагматически обусловленными, проявляющимися квалификативно-модусные свойства языковых знаков, например, частиц русского языка.

Описание функционально-прагматических свойств русских частиц позволяет сделать, по нашему мнению, важное заключение относительно того, что рассматриваемые языковые элементы и в грамматическом, и в коммуникативно-смысловом аспектах составляют многоплановую стройную систему, которой оперируют коммуниканты для необходимого реагирования на речевую ситуацию общения в координатах: субъективно-модальной характеристики сообщаемого (предположение, сомнение, целесообразность, возможность, вероятность, необходимость, долженствование, эвиденциальность, кажимость, колебание, избыточность, акцентированное подтверждение, некатегоричное отрицание, мотивированное согласие/несогласие); оценочной квалификации (позитивная или негативная оценка события или его фрагмента); эмоциональной квалификации (выражение радо-

сти, восторга, одобрения, умиления, раздражения, порицания, досады и пр.); экспрессивизации сообщаемого; локализации авторского взгляда при указании на что-то или кого-то; ограничении; определительном уточнении. Итогом актуализируемой русскими частицами модусно-кваликативной характеристики сообщаемого в коммуникативной сфере является корректирующее, интенсифицирующее, компрессирующее, усложняющее, локализирующее или парцелирующее влияние частицы как грамматически служебного, но коммуникативно и прагматически ёмкого языкового элемента на общее смысловое поле предложения-высказывания.

Выводы

Исследование коммуникативно-прагматических характеристик языковых элементов незначительно-го уровня, описание специфических

факторов сфер речевого общения и особенностей реализации коммуникативных процессов способствует упорядочиванию общих тенденций динамического функционирования русских частиц, систематизации их языково-речевых свойств, описанию семантической структуры высказываний с частицами, мотивации применения антропоцентрического подхода к анализу служебных элементов русской языковой системы.

Поднимаемые в статье вопросы являются, как нам думается, перспективными, так как выявляют одну из важных граней прагматики в аспекте детализации коммуникативных прагматических свойств русских частиц. Последнее, в свою очередь, открывает достаточно обширные перспективы описания функций языковых элементов в речевой сфере в соотношении с общезыковым фактором антропоцентризма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильева А.Н. Частицы разговорной речи. М.: Издательство Московского государственного университета, 1964. 186 с.
2. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: Высшая школа, 1972. 614 с.
3. Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения. М.: Наука, 1993. 171 с.
4. Лекант П.А. Предложение и высказывание // Строение предложения и содержание высказывания. М.: Издательство Московского областного педагогического института имени Н.К. Крупской, 1986. С. 3–8.
5. Нагорный И.А. Русские частицы и речевая ситуация оценочной квалификации события // Научный результат. Серия «Вопросы теоретической и прикладной лингвистики». 2016. Т. 2. № 1 (7). С. 15–22.
6. Николаева Т.М. Функции частиц в высказывании: На материале славянских языков. М.: Наука, 1985. 169 с.
7. Стародумова Е.А. Русские частицы. Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 1997. 68 с.
8. Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М.: Академия наук СССР, 1960. 378 с.
9. Kiefer F. Two recent studies on presupposition // *Lingua*. 1977. Vol. 43. pp. 247–271.

10. Lakoff G. Pragmatics in natural logic // Formal semantics of natural language / Ed. by E.L. Keenan. Los Angeles: Cambridge University Press, 1975. pp. 253–286.
11. Lakoff R. The pragmatics of modality // Papers from the Eighth Regional Meeting of the Chicago Linguistics Society. Chicago, 1972. Vol. 8. pp. 229–246.

REFERENCES

1. Vasil'eva A.N. Chastitsy razgovornoj rechi [Particles of the colloquial speech]. Moscow, Moscow State University Publ., 1964. 186 p.
2. Vinogradov V.V. Russkii yazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove [Russian language. Grammatical teaching about the word]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1972. 614 p.
3. Vinokur T.G. Govoryashchii i slushayushchii: Varianty rechevogo povedeniya [The speaker and the listener: Variants of speech behaviour]. Moscow, Nauka Publ., 1993. 171 p.
4. Lekant P.A. [Sentence and statement]. In: Stroenie predlozheniya i sodержanie vyskazyvaniya [The structure of the sentences and the content of the statements]. Moscow, Moscow Region Pedagogical Institute Publ., 1986. pp. 3–8.
5. Nagornyi I.A. [Russian particles and speech situation of evaluative qualification of events]. In: Nauchnyi rezul'tat. Seriya "Voprosy teoreticheskoi i prikladnoi lingvistiki" [Research Result. Theoretical and Applied Linguistics], 2016, vol. 2, no. 1(7), pp. 15–22.
6. Nikolaeva T.M. Funktsii chastits v vyskazyvanii: Na materiale slavyanskikh yazykov [Functions of particles in a statement: On a material of Slavic languages]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 169 p.
7. Starodumova E.A. Russkie chastitsy [Russian particles]. Vladivostok, Far Eastern University Publ., 1997. 68 p.
8. Shvedova N.Yu. Ocherki po sintaksisu russkoi razgovornoj rechi [Essays on the syntax of the Russian language]. Moscow, USSR Academy of Science Publ., 1960. 378 p.
9. Kiefer F. Two recent studies on presupposition. In: Lingua, 1977, vol. 43, pp. 247–271.
10. Lakoff G. Pragmatics in natural logic. In: Formal semantics of natural language. Los Angeles, Cambridge University Press, 1975. pp. 253–286.
11. Lakoff R. The pragmatics of modality. In: Papers from the Eighth Regional Meeting of the Chicago Linguistics Society. Chicago, 1972. Vol. 8. pp. 229–246.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Нагорный Игорь Анатольевич – доктор филологических наук, профессор, профессор института иностранных языков Цзилиньского университета; член-корреспондент МАНПО;
e-mail: ignago@yandex.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Igor A. Nagornyy – Doctor in Philological Sciences, Professor at the Institute of foreign languages, Jilin University; Corresponding Member of the International Academy of Science Teacher Education
e-mail: ignago@yandex.ru.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Нагорный И.А. Русские частицы как инструмент отражения коммуникационных процессов в речевой сфере // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 4. С. 25–34.
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-4-25-34

FOR CITATION

Nagornyy I.A. Russian particles as a tool of reflection of communication processes in the speech sphere. In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology, 2018, no. 4, pp. 25–34.
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-4-25-34